

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Смертельные
фантазии

МОСКВА

2 0 1 9

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Оформление серии *А. Старикова*

Редактор серии *Т. Масленникова*

Серова, Марина Сергеевна.
С32 Смертельные фантазии / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-106039-8

У Анны Климовой пропала дочь Жанна. Девушка в последнее время вела себя странно — некогда примерная ученица, она теперь слушала мрачную музыку, целыми днями пропадала у друзей и даже пристрастилась к алкоголю. Анне не оставалось ничего другого, как обратиться за помощью к частному детективу Татьяне Ивановой. Вскоре Татьяна понимает, что Жанна увлеклась красивыми, завораживающими играми. А в таких часто участвуют опасные люди...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М.С., 2019
© Оформление.
ISBN 978-5-04-106039-8 ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ПРОЛОГ

Крупные капли дождя барабанили по холщовой материи, скатывались, словно по горке, вниз, образуя лужи на небрежно заброшенной листвою земле. Небо будто бы оплакивало безвозвратно уходящее лето, предвещая затяжную холодную осень. Темный свод, затянутый пеленой облаков, не являл ярких звезд, не давая ни малейшей надежды на просвет. Да и к чему звезды, к чему луна или месяц, к чему лето, если в душе царит сумрачная мгла, которую невозможно растопить проблеском радости? К чему яркое солнце, к чему теплый огонь костра и мягкая зелень свежей травы? Не нужно всего этого. Пускай катятся к чертям и солнце, и лето, и звезды! Пусть льет дождь, пускай он не заканчивается, пускай весь лес затопит огромное унылое море слякоти и гниющей листвы...

Палатка. Добротная, хорошая палатка, которая не пропускает влаги. У нее самой никогда такой не было и не будет. У нее и спальник

только недавно появился — лишь после того, как она дико замерзла ночью в лесу, в предыдущий раз. И только та ночевка побудила ее наконец-то приобрести нормальный спальник, как у всех людей, которые мало-мальски заботятся о своем здоровье и комфорте. Вот он — синий спальник, расстеленный во всю длину, лежит на каремате, или, как в народе называют, пенке. Пенка тоже не ее, из личных вещей у нее только этот пресловутый спальник да рюкзак, слишком громоздкий для повседневной носки и чересчур маленький для походного. Она сидит в длинной черной юбке, вроде как претендующей на подобие средневековой, и в кофточке красного цвета с узорами. Кофту купила не она, а ее мама, для торжественных случаев. Красивая кофта, пригодилась вот... Да что в ней толку, в кофте, юбке или плаще... Привлекательнее они ее не сделали, увы. И остается только сидеть в палатке с налобным фонариком, судорожно писать в записной книжке все, что приходит в измученный ум, надеясь, что это поможет справиться с диким приступом отчаяния и тоски. Страница уже насквозь вымокла, чернила расплылись. Не от дождя. От слез.

Она писала неровными каракулями, как сумасшедшая, изредка прерываясь, чтобы справиться с потоком рыданий. Нельзя, чтобы кто-то услышал их, нельзя... Хорошо, что она одна в палатке, но если кто-то пройдет мимо? Да

плевать на всех, пусть слышат, как ей плохо. Все равно осталось недолго...

В плеере — песня группы «Ксандрия», «So you dissappear». Она заслушала эту вещь «до дыр» и раз за разом нажимала на повтор, чтобы услышать тот припев, который словно создан для нее.

«Я мечтала, словно дитя,
О сказочных принце и принцессе...
И теперь ты исчезаешь».

Она так и переводится — «Ты исчезаешь». Эту песню она сама переводила и удивлялась, насколько западная мелодия созвучна ее нынешнему состоянию. Прослушивая партию ударных и клавишных, она сливалась с хрипловатым женским голосом и вспоминала. Вспоминала, как он впервые подошел к ней. Как он заботливо спросил, не голодна ли она, и предложил какой-то пряник — наверняка нечто дешевое, походное, из обычного магазина. Но тот пряник показался ей самым ценным подарком в ее жизни. Она отдала бы все, лишь бы вернуть тот момент, лишь бы переживать его раз за разом... Он называл ее «моя милая волшебница», и эти слова были самыми дорогими из всех, что она когда-либо слышала. Он заботился о ее самочувствии, беспокоился, если она надолго куда-то пропадала... Ей так казалось. Нет-нет, она свято верила в это — он действительно беспокоился и заботился о

ней, как никто другой! Как отец, если бы он был у нее, как... Как самый близкий человек. Самый прекрасный человек в мире. Да что тут говорить — ей в жизни не встречались столь красивые люди! Глубокие карие глаза, черные волнистые волосы до плеч, правильные черты лица. Ему удивительно шла черная одежда, в ней он казался магом — такими она себе магов представляла. Он мастерски фехтовал и играл на поперечной флейте, он обладал мелодичным голосом и какими-то неуловимыми, таинственными чарами. Она все время представляла, как они вместе кружатся в быстром вальсе — она умела танцевать вальс, и он бы наверняка восхищался, как она плавно и красиво движется под музыку! Под песню — «So you disappear». Их отношения можно было бы описать словами из этой песни. «Я слишком сладко замечталась, и теперь ты исчезаешь...»

Наверно, она сама виновата. Он прямо спросил ее, а она ответила отказом. Он не стал настаивать — поступил по-рыцарски. Она не смогла согласиться, хотя очень хотела этого. Но ведь у нее был уже молодой человек, только любви между ними не было. Он говорил, что любит ее, а она попросту принимала эти слова, но не отвечала взаимностью. Но и не рассталась с ним — надеялась, что все произойдет само собой. Как-то их дорожки случайно разойдутся, не будет ни выяснения отношений, ни обид, ни уговоров. Лучше, если б он сам

предложил расстаться. А она бы согласилась. Но сказать первой — нет, она же поступит некрасиво по отношению к нему! Но... любит она другого.

А тот, другой, — он не стал ее добиваться. Получил отказ и не расстроился, ни капли. И уже в тот же самый день, вечером, пока дождь не начался, сидел у костра с другой девушкой. Она даже не помнила, кто был помимо них. Да какое это имеет значение! Только два человека завладели ее вниманием — он и девушка в роскошном платье на манер одежды китайской — или японской — придворной дамы. Эту девушку она давно знала, они неплохо общались. Ее все звали Леночкой — уменьшительно-ласкательно, потому что она казалась такой нежной и хрупкой, что никому и в голову не пришло бы назвать ее иначе. Вот с этой Леночкой он и беседовал, периодически дотрагиваясь до ее волос и рук. А она не возражала, несмотря на то что знала: он приехал в лес не один! А отвергнутой «милой волшебнице» ничего не оставалось, кроме как сидеть у костра и надеяться, что за его пламенем никому не будет видно ее лица.

Никто и не заметил, как она ушла. Никто не обратил на нее внимания — ни он, ни Леночка. Никому и не будет дела, если она вдруг исчезнет — как в той песне. Да нет же, он будет вспоминать о ней, будет страдать, будет себя винить в том, что так обошелся с ней... Он

будет искать ее по всему лесу, и когда найдет ее — лежащую в траве, прекрасную и мертвую, он тоже выберет смерть, чтобы соединиться с ней! И они будут счастливы вместе — не важно где, на этом свете или на том. Они будут танцевать, как принц и принцесса, и там их любовь будет вечной.

Раздался глухой раскат грома, дождь полил с новой силой. Это словно послужило неким сигналом — она закрыла записную книжку, засунула ее в карман юбки. Вытерла рукавом кофточки слезы. Проверила, на месте ли все. Порядок. Сейчас — лучшее время, чтобы совершить то, о чем она думала еще до этой поездки. Сейчас — или никогда.

ГЛАВА 1

Я тоскливо смотрела на чашку кофе, к которой, несмотря на мою жуткую кофейную зависимость, за время нашей с Олесей беседы я так и не притронулась. Я вертела чашку в руках, как будто впервые в жизни видела сей предмет посуды, стараясь не встречаться с печальными глазами подруги. Наконец я проговорила:

— Слушай, Олесь, даже не знаю, как тебе помочь. Знаешь, дети, а особенно подростки, — они такие сложные существа... К сожалению, я не психолог, поэтому не могу дать тебе определенный совет.

— Тань, ну придумай что-нибудь! — взмолилась та. — Мне, кроме тебя, не к кому обратиться...

Еще когда Олеся мне позвонила и попросила встретиться, я почуяла что-то неладное. Обычно оживленный, суетливый голос подруги звучал по телефону как-то странно. Мы давно не общались с Олесей, которую я всегда называла за глаза «сумасбродной мамашей». Зна-

комы мы с ней довольно давно, и могу сказать, к приятельнице я всегда питала самые добрые чувства. Конечно, Олеся — человек своеобразный: любит поболтать, ну да это профессиональное. А чего еще ожидать от учительницы английского языка, работающей в обычной школе Тарасова? Естественно, язык у нее подвешен, еще бы. Столько уроков вести — явно не для молчаливых людей, хотя, надо заметить, Олеся никогда не станет болтать попусту, ни о чем. С ней интересно общаться — познания у подруги обширные, она прекрасно разбирается и в литературе, и в искусстве, умудряется ходить по музеям, несмотря на крайне стесненное материальное положение. Единственное, что может в Олесе вызывать некоторое раздражение, — так это ее крайняя заикленность на своих детях, отчего, собственно, и возникло ее прозвище. Несмотря на то что ее дочери уже не маленькие несмышленыши, подруга проявляет гиперопеку и не прочь говорить о своих детях часами, а то и больше. Собственно, и встретиться она со мной захотела из-за проблем с одной из ее дочерей. Внезапный утренний телефонный звонок Олеси меня встревожил — я сразу согласилась встретиться с ней в кофейне неподалеку от центра города. Я поняла, что с подругой стряслась какая-то беда. Может, кто из девочек заболел или еще какая неприятная история произошла... Дел у меня на сегодня никаких запланировано не

было, поэтому я быстро надела легкие джинсы и куртку и спустилась выгонять машину из гаража.

Беда и правда пожаловала в Олесин дом, однако я даже не подозревала, что у приятельницы произошло на самом деле. Оказалось, что старшая дочка подруги, насколько я поняла из Олесинога рассказа, совсем отбилась от рук. Приятельница поведала мне печальную историю: ее дочка, которая раньше хорошо училась в школе и посещала различные кружки и секции, сейчас совсем забросила свои прежние интересы. Но это еще не самое страшное — можно понять, когда ребенок отказывается учить уроки, если ему не нравится в школе. Ну или в жизнь внезапно врывается первая любовь — какая там учеба...

— Я бы все поняла! — изливала мне душу Олеся. — Ладно, если б мальчик у нее появился или что-то подобное... Но теперь она все время просиживает в комнате за компьютером! Подсела на какую-то сетевую игру, и я ничего сделать не могу! Мне кажется, она в зомби превратилась!

— Ну попробуй убрать компьютер, — пожалала плечами я. Подруга посмотрела на меня так, словно я только что сказала некую несусветную глупость.

— Думаешь, я не делала этого? — наконец проговорила она. — Ужас, что потом было! Она угрожала мне покончить жизнь самоубий-

ством! Поставила ультиматум: либо я оставлю ее в покое, либо она вскрыет вены! Это ад какой-то!

— Да уж... — протянула я в замешательстве. — Конечно, современные технологии — это прекрасно, но играмания может излишне захватывать. Впрочем, как и любая другая односторонняя увлеченность.

— Мне от этого не легче! — вздохнула Олеся. — Пыталась ее к психологу сводить — так что ты думаешь? Моя умница голодовку объявила! Заявила, что если я от нее не отстану, то буду виновата в ее преждевременной кончине! Она представляешь, как со мной разговаривает? Чуть ли матом не посылает! А младшая вот на нее насмотрится и то же самое начнет делать! Я уже домой боюсь приходиться... Старшую не трогаю — она сидит за своим компьютером и мышкой щелкает. Не дом, а фронт холодной войны. Никто ни с кем не разговаривает, старшая даже на кухню не выходит — если я ей поесть в комнату не принесу, она так и не вспомнит о том, что люди, в принципе, должны чем-то питаться. И ведь неизвестно, с чего все началось. Несколько месяцев назад у меня нормальные дети были, а теперь... Танюш, может, ты с ней поговоришь? Вроде вы с ней неплохо общались, вдруг тебя послушает?

— Не думаю... — с сомнением протянула я. — Я не отказываю тебе, Олеся, но тоже пойми. Я ведь частный детектив, а не специалист

по общению с подростками. Компьютерные игры и прочие зависимости — не моя сфера деятельности. Я просто не предполагаю даже, каким образом могу тебе помочь.

— Ну ты же можешь что-нибудь придумать! — взмолилась Олеся. — Танюш, ты ведь умная, столько дел распутала, общаешься со всеми подряд... Или вдруг у тебя знакомые есть, которые в этом разбираются? Я здесь бессильна, у меня руки опускаются... Хоть самой в петлю лезть, ей-богу!

Я собралась сказать подруге что-нибудь ободряющее и бессмысленное, но не успела. Внезапно зазвонил мой мобильный телефон, и, признаюсь, я весьма этому обрадовалась. Не люблю сложные ситуации, в которых я бессильна оказать какую-либо помощь. Я вообще ненавижу признавать поражение. Но тут уж ничего не попишешь — если бы та же самая Олеся обратилась ко мне с просьбой найти преступника, который, скажем, засадил ее дочь за компьютерную игру, — я бы, не раздумывая, согласилась оказать ей помощь. Но вся беда в том, что преступника не существовало, и Олесину дочку никто насильно не заставлял стать геймером. Тут уж, увы, частный детектив Татьяна Иванова ничем не может помочь, несмотря на давнюю дружбу с несчастной Олесей.

Звонили мне с незнакомого номера. В принципе, я давно не удивляюсь, когда мне названивает некто неизвестный — работа у меня такая, ■